

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СКРИПТИЗАЦИИ

С.Н. ЕГОРОВ

Вербализировать в самом общем смысле означает сделать нечто словесным: устным или письменным. Поэтому закономерно рассматривать вербализацию как предпосылку, необходимое условие скриптизации. При этом не следует забывать о предмете вербализации, коим, как представляется, выступает продукт деятельности сознания — мысль. Получается, что вербализация — это процесс облачения мыслей в словесную форму.

Такое оформление мысли в виде набора слов может преследовать разные цели. От того, какую цель мы припишем вербализации, будет зависеть критерий оценки ее качества. Например, мы можем в качестве цели задать красоту, потребовать от вербализации передать имеющиеся мысли наиболее красиво. У такой вербализации есть название — изящная словесность. Об этом виде вербализации мы здесь говорить не будем.

В качестве цели мы можем задать краткость, компактность упаковки мыслей. Тогда и результат получится другой, какая-нибудь информатика. И это тоже не тот предмет, о котором мы собираемся говорить.

В качестве цели вербализации мы можем задать максимально достижимую точность передачи мыслей. Тогда вербализация естественным образом станет элементом *логики, т.е. теоретической науки о формах и правилах правильного вербального мышления*.

Зародилась логика, как известно, в недрах софистики — своеобразной «науки побеждать» в словесных баталиях. Эта «наука» развилась так хорошо, что софисты с одинаковым успехом могли «доказать», что черное — это черное и что черное — это белое, что люди ходят на ногах и что люди ходят на боках. Получалось, что истина зависит от ловкости владения языком, точно так же, как впоследствии справедливость ставилась в зависимость от ловкости владения мечом, шпагой или пистолетом. В значительной степени со-

фистика и сегодня торжествует в нашей жизни за редким и счастливым исключением некоторых наук. Это «искусное невежество», как его назвал в свое время Д. Локк¹, по-прежнему процветает.

Именно такому положению вещей и бросил вызов Аристотель. Анализ текста «Органона» (орудия познания) показывает, что в решении своей задачи Аристотель отталкивался именно от правил языка, правил грамматики, именно в этих правилах он начал искать правила точности передачи мыслей.

Все и в самом деле начиналось с обыкновенного слова, с обиходного языка. Именно обыкновенный язык много веков назад начал выражать мысли. В естественном языке, этом драгоценном богатстве человечества, возникли зачатки формализованного аппарата логики. Веками люди ощущали необходимость в определенной, правильной форме рассуждения, но истолковывали ее только как нечто, полностью связанное со смысловой стороной языково-мыслительного процесса. Прошло очень много времени, прежде чем пришло понимание, что существует специальный процесс, вербализация, что мысли и слова — не одно и то же, что словами мысли можно выразить по-разному, лучше или хуже, что вербальное мышление для того, чтобы быть правильным, должно подчиняться определенным законам. Тогда, когда в речевой коммуникации вычленили аспект, относящийся исключительно к его мыслительной форме, возникла логика². В обычном человеческом мышлении и его выражении — естественном языке Аристотель отыскивал такую часть, бесстрастную и однозначно действующую, которая пригодна для этих целей. Логика пронизывает язык, а язык выражает логическое. За время своего параллельного развития логика и язык срослись как сямские близнецы. Хотя поворот к разделению в логике «словесного» и «мыслительного» произошел, по-видимому, во времена Лейбница: «Существуют два раздела логики: один — касающийся слов, другой — вещей, первый — о ясном, отчетливом и адекватном употреблении слов, второй — о правильном мышлении»³, некоторые авторы по-прежнему считают, что «предмет логики как особой науки — язык»⁴.

Тем не менее, логика — это наука о мышлении, а не наука о языке. Но не о всяком мышлении, а только о таком, процесс и результаты которого находят адекватное отражение именно в языке. Логика анализирует *мышление, проявляющееся* в языке, а не *язык, проявляющий* мышление.

Задача — помочь человеку *правильно выразить в языке* процесс и результаты мышления — это задача логики. А что это, как не вербализация! И если эта задача оказывается решенной, мы получаем целый ряд полезных следствий.

Выплеснутый за пределы черепной коробки, а еще лучше зафиксированный на бумаге, процесс мышления сразу же становится доступным для анализа, причем не только самим мыслящим человеком, что уже гигантский шаг вперед, но и любым другим. В результате такого анализа может быть проверена правильность процесса, вскрыты и исправлены его ошибки. Это хорошо было понятно и Лейбницу, который говорил, что единственным средством улучшения умозаключений является придание им такой наглядности, что «их ошибочность можно было бы увидеть глазами», и Декарту, который признавался: «Часто вещи, казавшиеся мне истинными, когда я лишь начинал о них думать, оказывались ложными, когда я излагал их на бумаге»⁵.

Для того, чтобы это было возможно, именно логика должна сказать, как должен выглядеть процесс мышления при выражении его в языке и, в частности, при его перенесении на бумагу, какой должна быть правильная форма его отображения, его правильная вербализация, а значит и тем более — скриптизация.

Попутно делаем важный вывод: *в языке процесс мышления может быть выражен и правильно, и неправильно!* И для того, чтобы научиться отделять правильное выражение в языке процесса мышления от неправильного, логическое и языковое должно быть разделено. Примечательны мысли Г. Фреге по этому поводу: «Логики, как мне кажется, еще слишком часто липнут к языку и грамматике... Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях. Каждый, кто хочет научиться логике из языка, подобен взрослому, который хочет научиться мыслить у ребенка»⁶. Еще не так

давно грамматика составляла значительную часть книг по логике. Например, грамматические разделы составляют едва ли не четверть всей логики Пор-Рояля. Двуединство логики — анализ мышления, проявляющегося в языке — до сих пор логиками понят не до конца.

И это не случайно. Язык в значительной степени продукт бессознательной деятельности мозга. «Уровень неосознанной систематизирующей деятельности мозга не связан непосредственно с уровнем осознанной разумной (логической) деятельности, что и позволяет дебилу вполне корректно использовать язык»⁷.

Наверняка существуют формы невербального мышления — ведь глухие от рождения люди тоже как-то мыслят. Однако, такие не вербализированные формы мышления не подлежат логическому анализу. Как только что-либо было произнесено вслух или было записано на бумаге — это может стать предметом исследования логики как науки. Интуиция, озарение, безусловно, тоже являются формами мышления. Открытия часто делаются людьми в полете творческой фантазии или под воздействием эстетических чувств. Вербальное мышление выглядит громоздким, медлительным и неповоротливым на фоне интуитивных озарений, позволяющих людям мгновенно решать сложнейшие задачи. Но проблема заключается в том, что управлять такими озарениями люди не умеют и вряд ли когда-нибудь научатся.

Людям нужен способ, гарантированно приводящий к получению нового знания. Этот способ — логика, и она требует обязательного представления мыслей в вербальной форме. Таким образом, вербализация не только инструмент передачи мыслей от одного человека к другому, но и условие, способствующее получению новых мыслей, нового знания.

Логическая неряшливость, несоблюдение требуемых логикой форм мышления — сегодня является нормой. Представьте себе человека в смокинге среди бомжей. Именно так выглядит сегодня человек, более или менее логично излагающий свои мысли, придающий им в разговоре требуемую логикой форму. Но самое печальное, что это видит только он. Бомжи даже не замечают разницы между смокингом и собственными лохмотьями. Именно логика делает наш ум

в высшей степени чутким к правильности и неправильности чужого мышления.

«Познание есть изображение бытия»⁸. Поэтому скриптивизация как фиксация бытия, сущего в знаках не может миновать человеческую способность, лежащую в основании познавательного процесса — способность к ощущениям. По словам Канта, «без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы»⁹. Вместе с Т. Ридом мы относим себя к тем людям, которые «твердо решились принять на веру свое собственное существование и существование других вещей.., а также поверить в то, что снег — холодный, а мед — сладкий»¹⁰, т.е. к тем, кто считает ощущения реальностью.

Но ощущение — это еще не мысль, это только ее «материал», «первооснова». «Сами ощущения как наглядные представления, в отличие от понятий, не могут передаваться другому человеку с помощью слов»¹¹. «Современные философы убеждены в том, что при ощущении ум совершенно пассивен. И это, без сомнения, верно», — говорил Т. Рид¹². Действительно, для ощущения, для протекания этого процесса сознание не требуется. Если рецепторы «исправны», то они будут раздражаться и формировать нервный импульс независимо от того, в сознании или без сознания находится человек. Так же, как радиостанция передает сигналы независимо от того, включен или не включен на ее волну хотя бы один приемник. И поскольку ощущение — это еще не мысль: для обозначения собственно ощущений в языке вообще нет слов.

Достаточно в освещенном месте открыть глаза и зрение тотчас даст нам возможность ощутить (увидеть) целую картину, состоящую из огромного количества элементов. Если наблюдатель обладает достаточным опытом предыдущих ощущений и восприятий, скорее всего, увиденная им картина окажется наполненной некоторым смыслом — он сможет соотнести и отождествить элементы этой картины с теми смыслами, которые ему известны из его опыта. Он сможет увидеть не только набор светлых и темных, зеленых

и красных, больших и малых и иных пятен, а сможет увидеть дома и деревья, небо и землю, камни и листья... Иными словами, он не только ощутит пятна, но и воспримет картины, в которые эти пятна складываются (все понимают, что «смотреть» и «видеть» — это не одно и то же), то есть воспримет, наполнит смыслом то, что он ощущает, настроит свой «приемник» на волну именно этой, передающей именно эти ощущения «станции». В результате такой настройки процесс ощущения перейдет в процесс **восприятия**.

Восприятие - процесс осмысления ощущения, то есть процесс соотнесения и отождествления ощущаемого сейчас с ощущавшимся в прошлом и зафиксированным в памяти в виде представлений.

«Рассмотрим выражения: я чувствую боль, я вижу дерево. Первое обозначает ощущение, а второе — восприятие»¹³.

Но и восприятие — это еще не мысль. Для обозначения собственно восприятий в языке так же вообще нет слов, как и для обозначения ощущений.

У каждого нормального человека все органы чувств «включены» постоянно, они постоянно что-то ощущают.

Только на некоторую часть из всех ощущений человек обращает *внимание*. «Внимание выступает в роли, если можно так выразиться, внутреннего прожектора, высвечивающего все новые и новые смыслы в том, что мы видим и осознаем»¹⁴. Только у этой части ощущений есть шанс перейти в восприятие и у соответствующей части ощущаемого перейти в воспринятое.

Выделив по какой-то причине какое-либо ощущение из всего потока, сознание обращается к памяти. Если в памяти нет аналогичного ощущаемому, оно запоминается, образуя новое представление. Если в памяти есть аналогичное ощущаемому, они каким-то образом соотносятся и отождествляются. И только что запомненное, и отождествленное встраиваются в уже существующую систему. И в том, и в другом случае в дальнейшем процессе мышления (если он продолжается) будет принимать участие не ощущение, не восприятие, а сформированное на их основе **представление**. Это может быть отождествленное представление, либо представление, которое мы только что сформировали и запомнили.

Представление — зафиксированный в памяти образ (чувственный - зрительный, слуховой и т.п. или словесный), сформировавшийся путем комбинирования и синтезирования воспринятого в результате процесса мышления.

«Представление есть субъективный образ объективного мира»¹⁵. От себя добавим — *образ одного из элементов объективного мира*. По словам Аристотеля, «представления — это как бы предметы ощущения, только без материи»¹⁶.

Следовательно, представление — это и есть мысль.

Подобную мысль-представление можно считать основной, первокирпичиком мышления. Объект окружающей действительности отражается в сознании в виде образа-знака. Этот образ мы и будем называть «представлением». Таким образом, именно представления и есть основные объекты, подлежащие вербализации.

Часть таких образов-представлений для своего обозначения получает в языке специальный знак — слово.

Восприятие, в отличие от ощущения, не является пассивным процессом. В процессе восприятия всегда присутствует элемент мышления. Т. Кампанелла, например, считал, что в процесс восприятия включена и логическая операция — акт суждения, хотя вследствие скорости, с которой совершается этот акт, он не доходит до нашего сознания¹⁷. Об огромной скорости и полной незаметности для сознания соотнесения и отождествления ощущаемого (знаков) говорил и Т. Рид¹⁸. Схожее положение о «бессознательном умозаключении» в процессе зрительного восприятия высказывал и Гельмгольц¹⁹. Ощущения дают нам хаотическую массу информации, элементы которой не связаны между собой какими-либо отношениями. В порядок эту хаотическую информацию приводит именно процесс восприятия, порождающий мысль. Следовательно, граница между миром вещей и миром идей проходит как раз по восприятию.

Если воспользоваться метафорой Ф. Бэкона²⁰, можно сказать, что представление не является продуктом муравья, который только собирает и накапливает материал, или продуктом паука, который ткёт паутину из самого себя, а является продуктом пчелы, которая и собирает, и перерабатывает собираемый материал в полезный продукт.

Отрицательное соотнесение в процессе восприятия текущего ощущения и его запоминание, характерное для первоначального этапа становления каждого человека, по мере его развития, по мере накопления в памяти все большего числа представлений постепенно уступает место соотнесению ощущаемого сейчас с уже сформировавшимся представлением и, как следствие, пополнение такого представления новыми сторонами, гранями, элементами. Очень быстро ребенок научается соотносить появившуюся в поле его зрения совокупность пятен с представлением (образом) «мама». Быстро формируются и другие представления-образы: «папа», «бабушка», «сестра»...

Такой переход к формированию комплексных представлений создает огромное преимущество перед соотнесением ощущений простых, не комплексных. Нам достаточно мельком взглянуть на фотографию знакомого лица для того, чтобы в сознании возник образ (представление) изображенного человека, наполненный такими сущностями, которых фотография содержать просто не может.

Многokrратно используемые представления порождают представления о том, каким именно словом такое представление обозначается в языке общения. Таким образом, человек имеет и специфические представления — представления слов.

Язык дает целый ряд синонимов, которыми он, язык, привык называть сходные объекты: образ, идея, мысль, нумен и т.п. Общим признаком этих слов является то, что обозначаемые ими объекты являются объектами *только мыслимыми*, место их нахождения — только в человеческом сознании. Только в сознании, и больше нигде, располагаются представления.

Мыслим мы только представлениями, включая их особый вид — понятия. Нам повезло, и наши предки десятки тысяч лет назад приобрели способность передавать друг другу представления в «готовом виде». В целом цепочка «ощущение — восприятие — представление» при этом остается прежней. Вот только предмет ощущения в этом случае становится особым, специфическим. Для того, чтобы у реципиента появилась возможность воспринять чужое представ-

ление, его обладатель — донор — должен его овеществить, сделать его возможным для ощущения реципиентом. Способ такого овеществления только один — вербализация.

Вербализация представления — процесс создания словесного образа (отпечатка) исходного конкретного представления.

Стоит только донору описать свое представление словами (естественно, на понятном для реципиента языке), произнеся эти слова или их написав, он тем самым предъявляет нам физический отпечаток своего представления и дает возможность реципиенту ощутить эти слова (исследовать предъявленный отпечаток) и, следовательно, сформировать у себя представление, более или менее адекватное передаваемому представлению (воспроизвести у себя в сознании тот мысленный объект, с которого отпечаток был сделан — создать собственную копию исходного представления).

Вот только цепочка при этом слегка удлиняется. Начинается она с недоступного для других людей представления конкретного человека. Никто из людей не может предъявить другим людям собственное представление (мысль). Мысль не может покинуть пределы головы своего владельца. Это данность, с которой мы ничего поделать не можем. Но иногда очень хочется поделиться своей мыслью-представлением с другими людьми. Что же делать для реализации этого желания? Похоже, что способ только один — предъявить другим людям физический отпечаток (словесный образ) этой мысли.

Вот простой пример. Кто-то стал свидетелем совершенного преступления и видел лицо преступника. Как ответственный гражданин он хочет помочь поймать этого преступника. Как ему это сделать? Он может попытаться описать словами виденного преступника, дать его словесный портрет. Конечно, такой словесный портрет не может быть адекватным зрительному образу уже хотя бы потому, что слова не адекватны картинкам. Чтобы опознать преступника среди других людей такого словесного описания может оказаться достаточно. Если это случится, задача вербализации будет выполнена — у сыщика сформируется хоть и не адекватный, но *достаточно* точный образ преступника для того, чтобы того можно было опознать.

Иногда нам нужна более высокая степень адекватности передачи представления. Представьте себе, нам нужно открыть замок, но у нас нет от него ключа. Вообще-то ключ есть, и мы знаем, где он находится. Однако, то место, в котором находится ключ, имеет такое свойство, что из этого места наружу никак нельзя передать никакой металлический предмет (мысль не может покинуть пределы головы). Как же нам открыть замок и получить сокровища? Некоторые люди давно научились решать такую задачу. Оказывается, достаточно в специальной массе или в пластилине сделать отпечаток, оттиск ключа. И такой отпечаток будет точно соответствовать отпечатанному ключу. Если такой кусочек пластилина с отпечатком передать в нужное место (произнести слова), то там с этого оттиска легко можно сделать любое количество ключей, точных копий ключа исходного.

Вербализация подобна изготовлению отпечатка с мысли-представления. Очень важно, что вербализация (создание словесного отпечатка) — это всегда создание чего-то принципиально иного по отношению к тому, с чего делается отпечаток: мысль — слово, ключ — углубление в пластилине, картинка (портрет) — слова, его описывающие и т.п. Вербализация делает с представления его физическую копию, словесный образ (отпечаток). Примерно так, как мы фиксируем увиденное или услышанное на фотографиях и грампластинках. В результате процедуры вербализации в начале нашей цепочки *ощущение — восприятие — представление* оказывается искусственно созданный физический объект (феномен), который только и может быть ощущен и воспринят кем-либо еще, так как он, как и любой феномен, принадлежит миру вещей. Таким способом мы решаем задачу «извлечения» из головы наружу мысли-представления в виде ее словесного образа (отпечатка).

Важная особенность такого феномена заключается в том, что в процессе его создания с исходным представлением ничего не происходит, само оно никак не искажается. И вот этот вновь созданный феномен — словесный образ представления, то есть «вербализированное представление» — может быть ощущен и воспринят.

Словесный образ — отпечаток конкретного представления — это элемент мира вещей, создаваемый человеком посредством языка, предназначенный для обеспечения возможности формирования у другого человека точной или искаженной копии этого представления в результате восприятия этого словесного образа (отпечатка).

Если такое восприятие произойдет, у ощутившего и воспринявшего образуется копия исходного представления. Однако в процессе такого перехода искажения, безусловно, возможны, причем как на этапе вербализации, так и на этапе ощущений-восприятий. Таким образом, у воспринимающего почти всегда образуется слегка (или не слегка) отличное от передаваемого исходного *свое* представление. «Огромное, спокойное зеркало, в глубине которого вещи отражаются, отсылая друг к другу свои образы, на самом деле шелестит словами»²¹. Адекватно передать представление довольно трудно, но можно. Как именно это делать — отдельная большая тема. Сейчас же нам важно зафиксировать, что получение представления в готовом виде от другого человека происходит по той же уже известной нам цепочке и качество такого перехода в равной мере зависит от обоих — и того, кто передает, и того, кто воспринимает (и от вербализации, и от восприятия).

Вербализация — процесс непростой, ему можно и нужно учиться.

Подчеркнем еще раз, в процессе вербализации из мыслимого объекта-представления образуется принципиально иной объект — осмысленный набор слов. Исследователь слова М. Фуко так описал нам эту проблему на примере попытки передачи словами увиденного на картине: «Отношение языка к живописи является бесконечным отношением. Дело не в несовершенстве речи и не в той недостаточности ее перед лицом видимого, которое она напрасно пыталась бы восполнить. Они несводимы друг к другу: сколько бы ни называли видимое, оно никогда не умещается в названном; и сколько бы ни показывали посредством образов, метафор, сравнений то, что высказывается, место, где расцветают эти фигуры, является не пространством, открытым для глаз, а тем пространством, которое определяет синтаксические последо-

вательности»²². В не меньшей, а может быть и в большей степени это справедливо по отношению к мысли и слову.

Способность к вербализации порождает еще одно очень важное обстоятельство — человек может получать представления в готовом виде от другого человека. Такие представления, которые сформировались не у него, а у кого-то другого под воздействием ощущений этого другого. И такое представление может быть воспринято человеком как уже сформированное. Способность получать представления в готовом, уже сформированном виде, присуща исключительно человеку. По выражению К. Поппера, «если бы кто-либо должен был начать с того места, с которого начал Адам, он не сумел бы пойти дальше Адама»²³. Почти такую картину наблюдаем мы в животном мире.

К счастью, наблюдаемая картина мира людей разительно отличается от описанного выше. Каждый человек, кроме первой, обладает и второй сигнальной системой, выделяющей его из всего остального живого мира. В терминах нашей работы это бесценное свойство можно сформулировать следующим образом:

Человек в процессе мышления формирует в своем сознании представления не только в виде образов, но и в виде слов.

«Природа с удивительной предусмотрительностью устроена так, что мы не можем обладать абстрактными мыслями, не нуждающимися в чем-нибудь чувственном, хотя бы этим чувственным были бы только знаки вроде букв и звуков»²⁴. Существуют представления, которые формируются уже в вербализированном виде. Такие представления, как «время» или «логарифм», «мысль» или «нет», не имеют «телесного образа».

Воспользуемся образом из логики Пор-Рояля и скажем, что именно ощущения и восприятия «дают душе повод (occasion) образовать различные идеи, которые она иначе бы не образовала»²⁵. Иными словами, в основе любого представления лежат ощущения и восприятия, которые, как минимум, были поводом для образования представления. А уж получить чужое представление, даже если оно родилось в вербализированном виде, можно только посредством ощущений и восприятий.

В том ряду, который мы выстроили для описания процесса формирования чувственной картины мира, есть и четвертый элемент:

ощущение — восприятие — представление — **понятие**.

Представление становится понятием в результате «правильной» вербализации, которая для этого случая представляет собой определение. Каждое представление есть потенциальное понятие, пусть пока не определенное, но определимое. Мы рассматриваем понятие как особое представление, которое в результате целенаправленной работы приобретает определенную форму, такую форму, которая позволяет одному человеку поделиться с другим человеком своим представлением адекватно. Для этого представление должно получить словесное выражение. Вербализованное представление это и есть понятие. По моему мнению, принципиальным отличием, выделяющим Человека из остального животного мира, является его умение передавать другим людям свои представления самой разнообразной сложности в *неограниченном* количестве. Таким образом, именно вербализация «делает» человека Человеком.

Понятия и представления — образы. Но понятие — это такое представление, которое в результате вербализации достигло в своем развитии максимальной определенности. Здесь уместно воспользоваться одной из мыслей-жемчужин Платона, обильно разбросанным по его работам. В диалоге «Государство» Платон говорит о тенях на стене пещеры²⁶. Такие тени — это образы-представления. Они всегда неточны и размыты, так как стена пещеры — очень неровная поверхность. Облекая образы в слова, создавая словесные образы, мы выравниваем стену, делаем образ более точным и определенным. Тем более точным, чем более точно мы передадим его в словесной форме.

Можно предложить и еще один образ. Все люди говорят прозой (мыслят представлениями), даже не подозревая об этом. Но говорить можно и стихами (мыслить в понятиях), что невозможно делать, об этом не подозревая. Чтобы говорить прозой, специально учиться не нужно, это получается само собой. Для того, чтобы говорить стихами, нужно понимать, чем стихи отличаются от прозы, как слагают-

ся, что такое ритм и рифма. То есть, для того, чтобы говорить стихами, нужно научиться придавать прозе другую форму, форму стихов. Примерно также и с мышлением. Для того, чтобы научиться мыслить правильно, мыслить в понятиях, прежде всего, необходимо научиться придавать представлениям особую форму, форму понятия.

Абстрагирование заключается в выделении и перечислении существенных признаков в определении понятия. Следовательно: *понятие становится понятием только после его определения.*

Создавая логику, Аристотель в своих работах, безусловно, отталкивался от своего анализа языка, его грамматики. Однако, со времен Аристотеля многие авторы убедительно показали, что логика, хотя и не может существовать вне языка, не может быть также и сведена к анализу языковых конструкций. Язык с его грамматикой «всего лишь» форма проявления логических конструкций. Нужно обязательно понимать, что за языковыми конструкциями такие логические конструкции есть (за повествовательным предложением скрывается суждение), у вербализации есть предмет вербализирования и что они со своими проявлениями в языке не всегда совпадают.

К неправильным результатам мышления может привести как неправильность самих логических конструкций, так и неадекватность отражения их в языке. Разработка правильных логических конструкций (форм) и есть основная задача логики. С адекватным отражением в языке сложнее. «Формальная логика, следуя своей основной установке выявить логическую форму рассуждения (в ее понимании), стремится максимально освободиться от естественного языка»²⁷. Это утверждение в значительной степени верно. Однако, путь этот — тупиковый. Полностью элиминировать из логики естественный язык, исключить процедуру вербализации, значит, лишить логику значительной части ее практической пользы, лишить этот формализм возможности интерпретации.

Теперь посмотрим, правильно ли в свое время мы называли представление *мыслью*-первокирпичиком? Если внимательнее присмотреться к представлениям, то окажет-

ся, что они бывают вербализируемые и не вербализируемые, те, которым можно дать классическое определение и те, которым такого определения дать нельзя. Казалось бы, любой человек, который умеет хотя бы говорить, а тем более писать, может любое свое представление, любой элемент своего сознания вербализировать. Так ли это? Всякий ли продукт нашего сознания мы можем вербализировать, то есть дать ему определение через ближайший род и видовые отличия? Опыт подсказывает — не все, что рождается в нашем сознании, что осознается нами как родившееся именно там (в мозгу, в голове, в душе и т.п.), может быть нами точно описано словами. То есть то, *что* именно родилось и что оно действительно *родилось*, мы словами можем выразить (назвать, сообщить) легко — мне горько, мне светло, мне мягко, я люблю, я ненавижу, я презираю. А вот описать словами, вербализировать, что значит мне «горько» или «я люблю», дать такому представлению классическое определение мы не можем. Недаром мы так ценим этих мужественных людей — поэтов и писателей, — которые постоянно пытаются решить эту не решаемую задачу. Для таких не вербализируемых элементов сознания в языке есть специальное слово — чувство.

Но это не значит, что такие представления — чувства — совершенно не определены. Почти у каждого чувства есть термин. Как же мы соотносим в сознании представление-чувство и его термин? Для их определения наиболее подходит остенсивное определение. Ощувив и восприняв нечто, мы узнаем от других людей, что это — горькое, это — мягкое, это — громкое и т.п. Так мы узнаем, что представления о чувствах имеют у других людей именно такие названия. Как бы мы ни старались, дать такому представлению определение через ближайший род и видовые отличия нам не удастся. Ближайший род хорошо известен — чувство. А вот признаки — видовые отличия словами не описываются, не вербализируются. Человек, у которого по какой-либо причине «не работает» чувство вкуса, никогда не поймет, как бы ему ни объясняли, почему в этом стакане жидкость горькая, а в этом — кислая. Тому, кто понимает эту разницу, никогда не удастся поделиться этим своим представлением с

таким человеком. Иоланта не может отличить белую розу от красной. Невербализируемые представления — чувства — могут быть, существуют у человека даже тогда, когда он не может назвать их каким-либо словом и, в частности, у детей, которые еще вообще не умеют говорить сами и не понимают слов других людей. Чувства есть даже тогда, когда слов для их обозначения нет. Появление слова в сознании человека для обозначения какого-либо чувства не означает его вербализацию. Для вербализации какого-либо представления мы должны дать ему классическое определение.

Таким образом, оказывается, что наше сознание порождает представления двух принципиально разных видов — вербализируемые (мысли) и не вербализируемые (чувства). Похоже, это исчерпывающий перечень — мысли и чувства — элементов, порождаемых нашим сознанием, значит, мысли и чувства составляют весь объем объединяющего их понятия — представления.

В этой работе нам не удалось полностью раскрыть столь широкую тему, как «вербализация». Мы успели рассмотреть только возможности вербализации мыслей-представлений. Оказалось, что вербализация представлений может быть качественной и не очень. Для того, чтобы мысль-представление достигла совершенства в форме понятия, она должна обрести классическое определение. Как это правильно сделать — отдельная большая тема отдельного разговора.

Мысли могут быть и не такие простые, как представления. Мысль может состоять и из комбинации представлений. В логике такие мысли называются суждениями. Их тоже нужно уметь вербализовать. Этой темы мы вообще не коснулись. Вербализация суждений также тема отдельного большого разговора.

Важно было показать, во-первых, что попытки фиксации бытия в неких скриптах, так или иначе, но предполагают **работу** ума и души, оформляемая в вербализации продуктов этой работы. Сама же эта работа — и это во-вторых, может быть неупорядоченной, а может строиться по определенным правилам, которые составляют предмет традиционной логики.

Примечания

- ¹ См.: Локк Д. Соч. В трех томах. М., 1985 – 1988. Т. 1. С. 553.
- ² См.: Бирюков Б.В., Тростников В.Н. Жар холодных числ и пафос бесстрастной логики. М., 2004. С. 18.
- ³ Лейбниц Г.В. Соч. В четырех томах. М., 1982 – 1989. Т. 1. С. 80.
- ⁴ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 19.
- ⁵ Декарт. Соч. Калининград, 2005. С. 72.
- ⁶ Серкова В.А. Трансцендентальная логика Эдмунда Гуссерля // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб., 2006. С. 268.
- ⁷ Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 406.
- ⁸ Бэкон Ф. Соч. В 2 томах. М., 1971 – 1972. Т. 2. С. 73.
- ⁹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 32, 71.
- ¹⁰ Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб., 2002. С. 37.
- ¹¹ Больцано Б. Учение о науке. СПб., 2003. С. 101.
- ¹² Рид Т. Указ. соч. С. 76.
- ¹³ Там же. С. 312.
- ¹⁴ Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. М., 2002. С. 214.
- ¹⁵ Хасхачих Ф.И. Вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1967. С. 199.
- ¹⁶ Аристотель. Соч. В 4 томах. М., 1975 – 1978. Т. 1. С. 440.
- ¹⁷ См.: Маковельский А.О. История логики. М., 1967. С. 297.
- ¹⁸ См.: Рид Т. Указ. соч. С. 311.
- ¹⁹ См.: Раушенбах Б. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., 2002. С. 246.
- ²⁰ См.: Бэкон Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 58.
- ²¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 64.
- ²² Там же. С. 47.
- ²³ Поппер К.Р. Объективное знание. М., 2002. С. 123.
- ²⁴ Лейбниц Г.В. Указ. соч. Т. 2. С. 79.
- ²⁵ Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991. С. 39.
- ²⁶ См.: Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 267.
- ²⁷ Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. М., 1998. С. 121.